

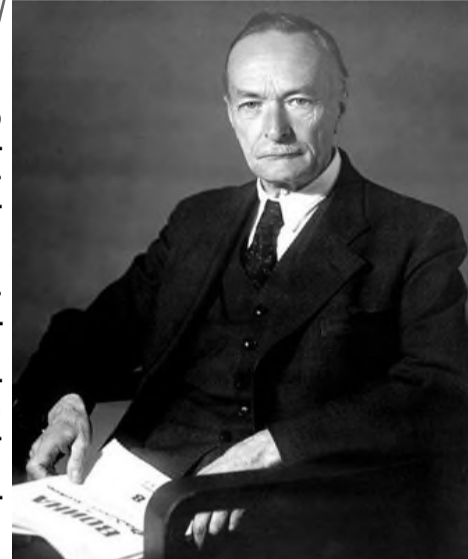
«Имею честь принадлежать к изыскателям...»

Федор Петрович Саваренский (1881 – 1946) – инженер-геолог, гидрогеолог, действительный член Академии наук СССР, автор более 200 научных трудов по гидрогеологии. А еще этот выдающийся ученый – наш земляк. Все известные представители фамилии Саваренских проживали в маленьком русском городе Гороховце. Здесь же в феврале 1881 года родился и будущий академик, ставший впоследствии основоположником отечественной гидрогеологии – науки, без знаний которой невозможны строительство и эксплуатация любых инженерных сооружений.

Советское Правительство высоко оценило научную деятельность Саваренского, наградив его орденом Ленина, орденом Красного Знамени. Его имя присвоено основанной им лаборатории гидрогеологических проблем Академии наук СССР. Президиумом АН СССР была установлена с 1948 года премия Ф.П.Саваренского за лучшую работу в области гидрогеологии и инженерной геологии.

Гороховчане также чтят память о своем знаменитом земляке. В 1981 году, к 100-летию со дня рождения ученого, в Гороховце на доме, где жила семья Саваренских, была установлена мемориальная доска, а улица, пролегающая возле самой реки Клязьмы, из Нижне-Пролетарской переименована в улицу Саваренского. Ежегодно на базе СКЦ им. П.П. Булыгина проходят естественно-научные чтения имени академика Саваренского, организатором которых выступает Ольга Владимировна Герасимова.

Замечателен и тот факт, что Федор Петрович Саваренский оставил после себя интереснейшие воспоминания «Уездный город и его обитатели (воспоминания детства)», отрывок из которых предлагаем вниманию читателей.

Ф.П. Саваренский «Пасхальная ночь»

(из воспоминаний детства, навеянных пребыванием в Бутырской тюрьме в 1902 г.)

То, что было, прошло безвозвратно, не только потому, что прошло уже полвека и на место наивного детства подошла умудренная временем старость, а и потому, что исчез бесследно старый быт, изменился исторический облик страны, как если бы прошли не десятки лет, а целые столетия.

В самом деле, теперь уж не восстановимо то впечатление, которое, например, получил я весной 1902 г., когда из открытого окна Бутырской тюрьмы, студенты, в

ночь на Пасху слушали, как загудела Москва от колокольного звона. Мы были очарованы, несмотря на то, что религиозное чувство было нам чуждо, а к религии отношение было если не враждебное, то безразличное.

Вспоминается детство. Вечером в Страстную субботу я чувствовал себя выбитым из колеи. С одной стороны, — весна, с ее быстрым стремительным ходом, когда бегут ручьи, ломается лед, река поднимается и с каждым утром оказывается ближе и ближе к воротам, а потом и к крыльцу нашего дома. С другой стороны, — унылая пора Страстной недели, с заунывным звоном, ежедневным хождением в церковь и говением, которое кончается и сменяется чем-то новым, праздничным, возбуждающим.

Солнце зашло, закат гаснет во мгле, поднимающейся с огромного водного пространства разлившейся реки. Ходишь, как неприкаянный, по двору. Скворцы уже уgomонились в своих скворечниках, в устройстве которых я принимал хотя и не непосредственное, но близкое участие. Выидешь из калитки: река еще поднялась и начинается уже кое-где выливаться на дорогу. Сырая прохлада начинает проникать под пальто. Возвращаешься домой. В доме пахнет вкусными вещами, только что испеченными куличами, запеченным окороком и т.п. В ожидании заутрени становится скучно, делать нечего, домашние

просят не мешаться и не вертеться под ногами, пробуешь прилечь, но из этого ничего не выходит. Да и лучше, что не выходит; если разоспишься, то потом, когда разбудят, чувствуется не по себе, а при выходе на воздух пробирает дрожь. Самым неприятным обстоятельством бы-

ло одевание. Отвертеться от настойчивых требований матери было невозможно. Приходилось заменять привычную курточку на новую, сшитую в запас, и примириться с торчащими наружу белыми воротничком и рукавчиками рубашки. После привычного будничного костюма, в котором было так хорошо, чувствовалось какое-то стеснение и неловкость. Я думаю, такое же, как чувствует песик, на которого напялили какую-нибудь детскую курточку.

Наконец, раздается выстрел из пушки и вслед за ним густой звон большого колокола с одной колокольни, а потом и с другой. Звук выстрела прокатится по воде, и несколько раз неясным эхом отдастся в заречных лесах, погруженных в воду весеннего разлива.

Мы с братьями направляемся в церковь. Идти недалеко, но темь и грязь, особенно на базарной площади, затрудняют шаг. Входим в ограду, а там уже кипит жизнь. Мальчишки помогают зажигать площадки, расставленные по каменным столбам ограды. Последние щиты из планок с фонариками из разноцветной ткани поднимаются на веревках на колокольню и устанавливаются там вровень с окнами. Светло. Народ подходит еще к церкви, которая уже наполнена ранее пришедшими. Церковь ярко освещена, горит масса свечей и лампад и паникадило. Пробираешься к старосте Павлу Евстигнеевичу, у которого на прилавке разложены стопки

свечек разного размера. Покупаешь красные свечи по 10 коп. и становишься рядом с братьями с зажженной свечой.

Не успеешь оглянуться, как уже духовенство с певчими впереди и с частью народа начинает двигаться из церкви в крестный ход. Раздается второй выстрел из пушки, и по пути следования крестного хода зажигаются бенгальские огни, ярко освещающие то красным, то зеленым светом церковные окна снаружи. Наконец, ход с пением «Христос воскрес» возвращается к церкви. Толпа рассасывается по церкви, и все принимает спокойный и торжественный вид. Ритуал церковной службы занимает меня. Пение «Христос воскрес» на разные мотивы. Выходы священника и дьякона каждый раз в ризе какого-нибудь другого цвета и узора. Хождение священника с кадиллом по всем иконам с разукрашенным трехсвечником и обращение к молящимся с возгласом: «Христос воскрес» и ответное нестройное «Воистину воскрес» со стороны молящихся. Помню, как однажды совсем уже старенький отец Дмитрий, единственный монах-священник из заречного Знаменского монастыря, еле передвигавший ноги, во время каждения с трехсвечником, сослепу не раз заезжал и в широкие бороды молящихся мужчин, отчего получался треск и запах воспламенявшихся волос.

летнюю в то время солдатскую лямку, бежал, долго скрывался, поступил в монастырь и с тех пор спасался в нем, пока его на старости не перевели из монастыря в маленький монастырек-хутор, где он доживал свой век.

Наконец, заутрени кончается. На короткое время выходим из церкви, так как следом начнется ранняя обедня, на которую мы обыкновенно оставались. В этом перерыве шли в помещение старой, вросшей в землю церкви, находившейся в ограде и открываемой только в пасхальную ночь. Здесь на полу расставлены были многочисленные куличи и пасхи, принесенные сюда для освящения хозяйками, преимущественно старушками. В этой церкви стояла сильно смущавшая меня статуя Христа в темнице, в цепях, с терновым венком и кровавыми ранами. Фигура была грубо раскрашена. Вернувшись к ранней обедне, мы заставляли церковь наполовину уже опустевшей, так как часть молящихся шла к поздней обедне. Стояли уже без свеч. Было скучно. Хотелось поскорее домой разговлаться. Сон также начинал донимать. И, не дождаввшись конца обедни, мы удирали домой. Уже светало. Дома мы заставляли большой стол, уставленный пасхальными яствами и кипящий самовар. После христосования начинали разговлаться. И вкусно же было

Кстати, этот отец Дмитрий, которого очень уважали в нашей семье и который иногда приглашался к нам в дом служить всенощную, в задушевной беседе рассказывал нам, что был он сыном муромского купца, был взят в солдаты и, не желая тянуть 25-

все после Великого поста и Страстной недели, на которых пост выдерживали без особых нарушений. Наевшись как следует, заваливались затем спать до позднего утра, начинавшего длинный праздничный день пасхальной едой, колокольным звоном, катанием яиц на улицах, хождением визитеров и другими развлечениями и обязанностями пасхального дня.

Гороховец литературный

Наталья Бахтырева Город в цвету

Как дивен город наш весной,
Когда кругом сады цветут,
Когда повсюду пахнет медом,
И в роще соловьи поют.

Он весь в цвету, в узорах нежных,
У яблонь рой кружится пчел.
И у сирени запах летний,
Какой бы улицей ни шел.

Нигде такой красоты не встретишь,
Нигде на свете не найдешь.
Вот только, если к нам приедешь,
Ты словно в сказку попадешь.

Елена Пряхина

Идет весна, журча ручьями,
В лазурь покрасив небеса.
Вновь греет теплыми лучами
Поля, и реки, и леса.

Вот «подросли» дома в деревне,
И крыши стали поострей.
Окошки смотрят веселее,
И высох коврик у дверей.

Тропа бугристая, вся в ямах,
Ползет с дороги до крыльца,
А на припеке у сарая
Уже оттаяла земля.

И нежный маленький подснежник,
Качая белой головой,
Расцвел на кочке белоснежной,
Чтоб поздороваться с весной.

Владимир Гончар

Морозец мартовский с утра,
Змеит поземка ручейками,
Тропа, которой шел вчера,
Спит где-то под снегами.

Бур держит ящик на плече,
Шагаю по приборам,
«Топтыгины», как на парче,
Строчат следы узором.

«Здорово, речка!» - я опять
Иду на плес рыбачить,
Ершишек, окуней поймать,
Свидание назначить.

Бур с жадностью дырявит лед.
Над лунками колдую,
Хотя не очень-то клюет -
Одну ловлю, другую.

Рыбалка - это как мгновенье,
По лункам рыбу собираю,
За клев, за чуточку везенья
«Спасибо» - говорю, родная.

Люблю тебя зимой и летом,
Ну, разве я не говорил,
Что и закаты, и рассветы
Тебе, тебе единственной дарил.

Журчи, беги, не уставая,
Рябь летних вод на лед меняй,
Любовь к тебе моя большая
Живет в душе моей, ты это знай.

Любовь АЛЕКСАНДРОВА

Когда любовью женщина лучится,
Пышной сады цветут и солнца ясный свет
Ей на реснички зайчиком садится,
Чтоб улыбалась милая в ответ.

О, сколько нежности, тепла в объятьях,
И слаще меда губ малиновых нектар.
Весна ей дарит молодости платье -
Как не принять такой бесценный дар!

А доброты в ней - пить и не напиться,
Родник живительный душевной красоты,
В глазах влюбленных можно раствориться,
Когда мужчина с ней ее мечты.

И льнет к ее окошкам птица счастья,
Красу рассветов дивных за собой зовет,
И нет на свете женщины прекрасней,
В чьем сердце чувство светлое живет.

Нина Жукова В весеннем лесу

За город выбралась ранней весной,
Чтоб окунуться в мир звуков в тиши,
И красотой восхититься лесною,
И получить свой бальзам для души.

Я по тропинке иду между сосен:
Справа и слева - цветы и трава,
Кваканье эхо по лесу разносит,
Кругом идет от всего голова.

Птицы в ветвях свои песни мне дарят,
Солнце пронзает лучом облака,
И ветерок, прикоснувшись, ласкает,
Легкою рябью встречает река.

Воздух так чист, что душа замирает,
Зелень деревьев, травы так нежна.
Первых цветов аромат опьяняет,
Будто весны захлестнула волна.

Елена Солдатова Весна

Как же ждала я прихода весны!
Грустным бесцветием март провожая,
Тают снега, тут и там обнажая
Землю, о лете смотрящую сны.

Зеленью нежной не тронул апрель
Ветки деревьев и леса пригорки.
Это пока. Но оконные створки
В солнечный день отмывает капель.

Речка стряхнула свой щит изо льда,
С хрустом его на стремнине ломая.
Жаждет природа цветущего мая.
Гимн пробужденья играет вода,

Зимней тоски исчезает и тень.
Новые строчки рождаются смело.
Это весна-оптимистка умело
Жаждою жизни наполнила день.

Анна Нефедова

Послушаешь капли ворожбу,
И сердцу жить захочется по-новому.
Апрель затеял резвую игру -
На крышах дует в трубы, с переборами.
Проснешься утром - солнышко в окно,
Все золотыми брызгами расцвечено.
И так блаженно на душе, светло!
Весна с тобою говорит доверчиво.
А ночью месяц в прятки заиграл,
За тучку то уйдет, то снова выглянет.
Апрель звенит, так радостен финал:
И светит над землей звезда невинная.

Любовь ВИАЛЕНТОВА Весна

Снега тают. А потом
Заплачут дожди по лицам...
Тогда останется - влюбиться,
Снять надоевшее пальто.
Распустится цветами май
И распахнет сердца и окна,
Ударит солнцем, словно током,
Сведет с ума...

И новые приснятся имена,
И радуги в ладонях облаков...
Весна не знает, что она - весна,
Любовь не знает, что она - любовь.
Весна еще не знает, что она - весна,
Любовь не верит, что она - любовь.

Никто не будет виноват,
Что солнце заблестит в ресницах,
И остается лишь смириться
И просто - перевесновать!
Зелено-сине-желтый май
В плаще из листиков и почек
Взорвет печалей снег. Он хочет
Свести с ума...

Олег Шутов Мама

Мама, дорогая, не печалься,
Сердца своего зря не томи.
Не переживай, не огорчайся
И слова мои к себе прими:
Вором я не стал, и слава Богу.
Наркоманом, пьяницей не стал.
Выбирая сам себе дорогу,
Справедливость, истину искал.

На пути, бывало, оступался.
В униженьях только дух крепчал.
«Верными» друзьями предавался
И от девичьей любви страдал.
Но сейчас, прошу, не плачь, родная,
В ночь бессонную глаза сомкни.
Ко Христу я всей душой взываю,
Умоляю, мать мою храни!

Валентина Кокарева Мать

Очень часто в погоду холодную,
Почему? - до сих пор не понять,
Вспоминаю я детство голодное
И свою терпеливую мать.

Не забыть вкус «оляпника» серого
И картошки с древесной мукой,
Ещё щи из зелёной крапивушки,
Пополам с материнской слезой.

Постарела совсем родимая,
Мне б разгладить морщинки твои,
Навсегда ты со мною, любимая,
До ста лет ты ещё проживи.

Всё уходит со временем в прошлое,
Повернуть бы историю вспять,
Схоронить бы всё нехорошее,
Молодую увидеть мать!

Михаил Дьяконов Март

Весна! Природа оживает,
И розой женщина цветет,
И плавно крылья расправляет -
Взлететь! Да что-то не дает.

А так, взмахнула б и ...взлетела,
Заботы сбросив мужикам,
И загадала б, что хотела:
Упасть к распахнутым рукам!

Станислав Дроздов

Носите женщин на руках,
Не напрягая лишних сил!
Носите женщин на руках,
Как в молодости я носил!

Носите женщин на руках,
Не обещая края света,
Носите женщин на руках,
Они ведь любят вас за это!

Альбина Тимина

Весна! Волшебница весна!
Краса и чаровница!
Позеленели ель, сосна,
Спешат свить гнезда птицы.

И пчелы делают облет,
Пока еще несмело,
Растаял на озерах лед,
Бобры взялись за дело:

Плотину строят на реке
Не хуже инженеров.
Вон муха дремлет на песке,
Ей до бобров нет дела.

Движенья сока дерева
Ждут как воды живой.
Час пробуждения - хвала
Творцу красоты земной!

Весной такая синь небес!..
Аж дух перехватило.
Природа вся полна чудес,
Как сердцу это мило.

Нина Гаврилова Маме

Ты не прячь седую прядь
Под косынку, мама,
Ведь была всегда для нас
Ты красивой самой.

Вылетали, как птенцы,
Из гнезда родного,
И за всех молилась ты,
Выйдя на дорогу.

Вот за праздничным столом
Собралась семья,
И сияют счастьем вновь
Мамины глаза.

Ты не прячь седую прядь
Под косынку, мама,
Ведь была всегда для нас
Ты любимой самой.

Юрий Опарин

Мы дарим женщинам цветы,
Слова любви им произносим,
Живем в плену их красоты,
Любимый образ в сердце носим.

Ведь все прекрасное от них,
Что в этом мире происходит,
И каждый любит лишь своих,
Ему другие не подходят.

Любимым дарим мы цветы,
Мы о любви их просим,
И если слышим «да» в ответ,
То на руках их носим.

И в благодарность за любовь
Родятся наши дети,
Так кружит жизни колесо
На голубой планете.

